

Проф. С. В. ЮШКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕОДАЛИЗМА В ДАГЕСТАНЕ

(до русского завоевания)

§ 1. Вопрос об общественном строе народов Дагестана до русского завоевания является одним из самых неразработанных. Историография русских колонизаторов всячески стремилась подчеркивать и усиливать при изучении общественного строя дагестанских народов остатки примитивных, архаических черт, затушевывать разложение доклассовой общественной формации и возникновение классового общества и тем самым доказать „дикость“ и крайнюю отсталость этих народов. А это все в свою очередь должно было доказать оборонный характер военных операций русского царизма и тем самым обосновать культурное значение русского колониального захвата. Появилось множество работ о родовом строе кавказских народов. Из них наибольшую известность получили работы М. М. Ковалевского и Леонтовича. В советской историографии почти не велась борьба с этими установившимися взглядами. М. Н. Покровский и его „школа“ в своих работах не в состоянии был преодолеть эти взгляды. И нет ничего удивительного в том, что он отождествлял общественный строй народов Дагестана перед восстанием Шамиля с общественным строем германцев эпохи Тацита. Взгляд Покровского прочно укоренился и его разделяют многие дагестанские историки. Только в самое последнее время поставлен вопрос о феодализме в Дагестане.¹

Но если вопрос о феодализме в Дагестане поставлен, то вопрос об особенностях феодализма в Дагестане пока никем не затрагивался. А между тем этот вопрос является одним из актуальнейших вопросов дагестанской историографии на современном ее этапе. Выяснение специфических черт феодальной эксплуатации поможет нам правильно разобраться в предпосылках, общем ходе развития борьбы горцев с царизмом под руководством Шамиля и выяснить причины его поражения.

¹ Революционный Восток 1935, г., № 5, стр. 117—132.

Само собой разумеется, полное и исчерпывающее представление об особенностях дагестанского феодализма можно получить только в результате тщательного и глубокого изучения конкретной истории народов Дагестана. Так как это изучение только начато, то естественно, что наши выводы и наблюдения являются предварительными и, следовательно, недостаточно четкими и полными.

Нами это очень хорошо осознается, но вместе с тем осознается так же и то, что нельзя приступить к решению многих вопросов дагестанской истории, истории литературы и вообще истории культуры без некоторых общих и предварительных взглядов на специфические черты дагестанского феодализма. Другое предварительное замечание: при выяснении особенностей дагестанского феодализма мы ограничиваемся только изучением специфических черт феодальной ренты, классовых и сословных отношений и политического строя. Чрезвычайно важный вопрос об особенностях феодальной идеологии в Дагестане нами пока не затрагивается.

Наконец, третье и последнее предварительное замечание: мы, во-первых, сопоставляем дагестанский феодализм с ранним феодализмом других стран, так как он действительно принадлежит к типу раннего феодализма; во-вторых, при сопоставлении нами приняты во внимание, главным образом, особенности феодализма в Западной Европе и России.

§ 2. Одной из основных особенностей общественно-экономического строя народов Дагестана до завоевания их царизмом является крайняя пестрота укладов на сравнительно небольшой территории. Эта пестрота объясняется большей или меньшей налаженностью экономических связей с основными торговыми и промышленными центрами Дагестана, Закавказья и Северного Кавказа, большей или меньшей оторванностью той или иной части Дагестана от основной территории. Естественно, что те части Дагестана, которые удалены от побережья, расположены на главном Кавказском хребте и его высоких отрогах, которые не могут поддерживать связи с внешним миром по узким тропинкам в продолжение всего года, где земледелие невозможно, эти части характеризуются более примитивным общественным строем. Здесь господствовали родоплеменные отношения, здесь только намечалось развитие феодальных отношений. Наоборот, те части Дагестана, которые расположены на побережье или через которые пролегают торговые пути, где кроме скотоводства возможно и земледелие, эти части характеризуются более развитым общественно-экономическим строем. Здесь наблюдаются признаки развитого феодализма.

Таким образом, на сравнительно небольшой территории и при этом одновременно мы имеем возможность наблюдать различные стадии разложения доклассового общества и возникновения феодализма.

В наиболее отдаленных от побережья и плоскости частях Дагестана мы наблюдаем существование отдельных племен — общин (иногда племена состояли из нескольких общин). В этих

общинах еще чрезвычайно сильны родовые организации — тухумы, на которые община распадается. Происходит процесс выделения общинных властей, начало классовой дифференциации. Появляются рабы и возникают первые группы зависимого населения.

Но здесь же рядом и одновременно в местностях более близких к побережью и плоскости возникает более сложная общественная организация — так наз. союз вольных общин, где в большей уже степени проявился процесс разложения доклассового общества и где, следовательно, в большей степени наблюдаются признаки зарождения феодализма. Такими союзами являются Цахурский, Даргинский и др. В этих союзах тухумные организации уже находятся в стадии полного разложения; тухумы уже потеряли свое поземельно-экономическое значение. Земля — пастбища и леса находятся в распоряжении общины. Пахотные участки в единоличном распоряжении отдельных хозяйств. В этих союзах мы наблюдаем постепенное выделение племенных союзных властей, часто сопровождавшееся захватом власти жителями (фактически властями) одной общины или группы общин. Вопрос о социальной сущности таких вольных обществ уже поставлен в нашей литературе, именно Петрушевским, с общими выводами которого мы соглашаемся. Но пусть даже будет оспорена решительность, с которой он делал эти выводы, тем не менее мы не можем все таки отрицать в процессе возникновения вольных общин определенную дальнейшую стадию разложения доклассового общества и определенную ступень к возникновению феодализма. Подчиненные главной общине жители других селений должны были нести разные повинности, которые по существу (по объекту) ничем не отличались от тех повинностей, которые обыкновенно устанавливались в свою пользу феодалами.

Дальнейшей ступенью феодализации в Дагестане является возникновение феодальных владений, где еще сохранились в той или иной степени власть общинных организаций, но уже появляется феодал, феодал однако выборный; он избирался из старших членов одного феодального рода. Типичное феодальное владение этого типа — это владение уцмиев.

В этом феодальном владении уже установилась феодальная рента. Процесс классовой дифференциации определился в еще большей степени, чем в так наз. союзах вольных общин. Появляются группы крепостного населения — раятов, чагаров. Постепенно начинает выделяться верхушка сельского населения. Процесс разложения тухумной организации и остатков других стадий доклассового общества идет к концу. Дальнейшая эволюция этого типа феодальных владений идет главным образом по линии превращения выборных феодалов в наследственные, по линии ликвидации некоторых сохранившихся еще прав общинных властей и, главным образом, по линии закабаления и подчинения основной массы населения.

Таким типом уже сложившегося и оформившегося феодального владения являлось аварское ханство. Здесь хан и беки являлись полновластными наследственными феодалами. Процесс классовой дифференциации здесь наблюдается еще в большей

степени. Верхушка узденства начинает обзаводиться рабами и крепостными и смыкается с феодалами. Получают полное оформление разные формы ренты.

Следующую ступень феодализации — представляет собой шамхальство Тарковское, которому принадлежат земли, главным образом по побережью и по плоскости, центром которого был прибрежный „город“ Тарки, находящийся рядом с современной столицей Дагестана, Махач-Кала (теперь селение Тарки). Шамхалу принадлежали лучшие земли в Дагестане; земледелие играло большую роль, нежели в других феодальных владениях. Вместе с тем, благодаря развитию торговых связей шамхальства с Персией и Россией, здесь мы наблюдаем большую степень развития денежных товарных отношений. Феодальная эксплуатация носит более жесткие и вместе с тем и разнообразные формы, при чем отработочная, рента играет большую роль.

Процесс классовой дифференциации приводит к образованию особой группы низших феодалов — так наз. сала-узденей, группы, которая была неизвестна ни в одном другом феодальном владении Дагестана. Благодаря разнообразию форм феодальной эксплуатации в шамхальстве, мы имеем разнообразные группы зависимого сельского населения. Политическая организация шамхальства так же была более сложной, нежели в других феодальных владениях. Было больше феодальных владений, сложнее были их функции.

Наконец, в Дагестане мы наблюдаем еще одно владение, именно, ханство Мехтулинское, которое образовалось путем выделения из шамхальства Тарковского. Мехтулинское ханство было незначительным по своей территории, но оно было интересно своим весьма быстрым превращением в типично крепостническое владение. Отработочная рента все более и более вытесняла другие формы ренты. С каждым годом устанавливались новые повинности сперва как временные, а затем превращались в постоянные. Этот быстрый процесс возникновения крепостничества, несомненно, совершался под влиянием русских крепостнических порядков. Русские колонизаторы в особенности покровительствовали мехтулинским ханам (как и другим дагестанским феодалам), стремясь превратить их и в своих агентов.

Этот перечень различных форм феодальной эксплуатации отображающих различные ступени развития феодализма, можно было бы значительно удлинить. И между отмеченными типами возникающих или возникших феодальных обществ были различные промежуточные ступени. Словом, народы Дагестана не составляли однородной по своему общественному развитию массы: на ряду с целым рядом племен, которые еще не вышли из родоплеменных отношений, мы наблюдаем ряд народов, ставших уже в той или иной степени на путь развития феодализма. Но, признавая существование феодализма в некоторых частях Дагестана, мы, однако, полагаем, что *общая* характеристика его общественно-экономического строя, должна быть сопоставлена с характеристикой т. Сталина, данной им Крыму и Азербайджану. Именно, т. Сталин указывает, что они не ушли — „дальше

первобытных форм полупатриархального — полуфеодального быта¹.

§ 3. Приступая к выяснению особенностей феодализма в тех частях Дагестана, где процесс феодализации в достаточной степени определился, необходимо прежде всего остановиться на структуре феодального владения в Дагестане и формах феодальной эксплуатации, от которых зависят особенности в классовых отношениях и в политическом строе.

Прежде всего необходимо отметить, что феодальное владение в Дагестане по своей структуре имело неоднородный характер, гораздо более неоднородный, нежели в Западной Европе или даже России. Наибольшую неоднородность имеет крупная феодальная сеньория ханов, уцмиев и т. д. Например, феодальная сеньория одного из крупнейших дагестанских феодалов — шамхала² состояла из следующих трех видов земель.

К первому виду относятся земли, принадлежавшие сельским общинам, но общины должны были платить шамхалу ренту и нести различные повинности (по русскому феодальному праву — земли волостные, черно-тяглые).

Ко второму виду относятся земли, которые принадлежали шамхалу, но находились в наследственном пользовании крестьянства, которое платило ренту и несло повинности за это пользование. Крестьяне не имели права отчуждать этой земли.

К третьему виду относились земли, находившиеся в исключительном обладании шамхала. („terra dominicata“ или боярская пашня); к числу этих земель принадлежали кутаны, горы и другие пастбищные угодия. Кутаны³ (зеленые пастбища) и горы не передавались шамхалом во владение общин на длительный срок или в наследственное пользование тем или иным группам крестьян. Кутаны отдавались шамхалом за ренту от начала осени до наступления лета (с 19 августа по 15 мая), т. е. в течение 9 месяцев, а горы в течение трех летних месяцев. По миновании этих сроков почти во всех кутанах и горах окрестные жители вправе пасти свой скот и баранту. В перечне доходов, получаемых шамхалом с крестьянства, доход с гор всегда выделяется из общей массы других доходов. Таким образом, в непосредственном владении крупных феодалов находились как раз те земельные владения, которые имели громадное значение для основной отрасли хозяйства в Дагестане, именно, для скотоводства.

Наконец, феодалы могли владеть городами, при чем население города было обязано платить им особую подать. В частности, в Тарках жило 71 дым евреев, плативших шамхалу от 3 до 5 рублей с дыма.⁴ Разумеется, поскольку главная масса жителей „городов“ занималась сельским хозяйством, постольку они платили шамхалу обычную феодальную ренту.

¹ Сталин И., Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 70.

² Шамхалы Тарковские, Сборник сведений о кавказских горцах, в. I, Тифлис, 1868, стр. 77—78.

³ Там же, стр. 77, прим. 8.

⁴ Там же, стр. 79.

Само собой разумеется, чем феодальная сеньория была меньше, тем она делалась однороднее по своему составу. Средние феодалы — беки и сала-уздени (у кумыков), конечно, не владели городами. Мелкие же феодалы — первостепенные уздени владели или землей, находившейся в наследственном пользовании крестьянства или же землей принадлежащей им на праве собственности.

Говоря о характере феодальной сеньории в Дагестане, необходимо коснуться о „церковном“ — вакуфном землевладении. Дело в том, что в других мусульманских странах (напр., в Средней Азии) вакуфы составляют одну из главнейших частей феодального землевладения. Однако, к числу особенностей дагестанского феодализма относится то, что вакуфов было мало и вакуфы были незначительны; вакуфы главным образом учреждались при мечетях. По преданию и рассказам современников земельные участки, принадлежащие мечетям, не превышали участков зажиточных узденей.

Состав феодальной сеньории предопределяет состав и феодально-зависимого крестьянства. В общинах жили лично свободные уздени, платившие ренту и отправлявшие некоторые повинности. Узденские верхи сами могли владеть рабами и крепостными — раятами, чагарами и т. д. На землях второго вида — различного рода зависимые, полукрепостные крестьяне; а на собственных землях — раяты, чагары и рабы и различного рода промежуточные между рабами и чагарами группы.

§ 4. Общий характер феодальной ренты очень хорошо можно уяснить на основании дошедших до нас данных, относящихся к разным периодам истории Дагестана.

Тарих Дагестана¹ Мухамеда-Рафи, прозванного Абуль-Федом Зияэддином, дает следующий перечень ежегодных доходов Аварского нуцала VIII в. Он получал: 1) чистыми деньгами с каждого дома по три серебрянных диргема или стоимость оных золотом; 2) зерном с каждого дома кади из всего того, что главнейшее сеялось; 3) баранами с каждого, кто имел стадо, одного барана со ста; 4) крупной скотиной с каждых ста по одному быку; 5) тканями с каждого купца по две штуки шелковой материи, и по две бумажной лучшего качества; 6) овощами, с каждого, кто имел виноградник, по корзине кистей (виноградных). Сверх того, с каждого, кто убивал кого либо из своего племени, если только последний сам не был убийца, он брал сотню баранов. С того, который ранил другого, брал он быка. С того, который воровал чужую собственность, также быка. С деревни Варанды (общества Шубут) по пяти лисиц, из числа которых одна должна быть черная, а остальные четыре красные.

В год воцарения нового государя, после смерти старого, взималось с каждой деревни пять быков. В год смерти прежнего государя с каждой деревни собирались на издержки его похорон по лошади (жеребцу) или по кобыле. И с каждой деревни

¹ Тарихи Дербент-Наме, перевод под редакцией М. Алиханова-Аварского, прил. IX, стр. 166.

и города брали по корове и по два барана для брачного торжества каждого лица из царской фамилии.

В том же Тарихе¹ приводится перечень доходов шамхала: „На народ Караг наложен был платеж ежегодный 500 овец, на Кусрахи 300 овец, на Кырым 400 овец. Также за (пастбище) одну гору в Кусрахи 1000 овец и за другую в Кырым 30 коров. На общество Хибиал каждые четыре года положено было по овце с дома; на Чамалал 500 овец, на Тиндал 20 быков, на Арчу 130 овец. На народы Хумз 700 баранов, 700 кади пшеницы и 60 мер меду, на обитателей деревни Анди 8 штук шерстяной ткани, на города Гадар и Аркас половину того, что назначено было для Хумзы. На жителей Тумал по барану и по мере пшеницы с каждого дома. Весь Мычигыш (т. е. Чечня)— было его собственностью. На город Костек с каждого дыма по рыбе; на жителей Губден 100 баранов; на жителей Кайтаг 170 буйволов. На жителей деревень Усише и Акуша 100 быков; на жителей Сюрха или Сарахи с каждого дома по одному дургему; на жителей деревни Пудухар 50 быков; на селение Чумчукат и Кукба 6 ослов, навьюченных маслом. На город Зариг Керан 30 (мер) пороку и 50 баранов с горы на жителей селения Иргана с каждого дыма по одной мере и с горы, принадлежащей к нему, называемой Зантаб, есть доход 80 овец в год. На жителей селения Баклад (Гумбет) 30 быков и 30 ягнят; Цагур и Голода были его собственностью; а с горы, принадлежащей к нему, он получал ежегодно 50 овец. На общества Ришор и Мукрах 70 баранов и на обществе Куралал 100 жеребцов и 100 кобыл“.

Тарих Дагестана, по мнению исследователей этого источника,— произведение первой половины XIV в. Возможно, что этот перечень является позднейшей вставкой, но в общем он соответствовал тому, что впоследствии взималось шамхалом с зависимого населения.

Эти два перечня можно дополнить перечнем доходов Мехтулинского хана первой половины XIX в., когда сложившиеся в Дагестане формы эксплуатации стали изменяться под влиянием русских крепостнических порядков.²

Виды налогов и повинностей Мехтулинского хана были следующие:

1) Кент-якак — сельский якак. С каждого хозяина, имеющего стадо баранов не менее 30 голов, взималось по одной овце.

2) Сабу (мера для зерна около пуда и 10 фунтов), взимавшаяся с каждого дыма в селениях Большой и Малый Дженгутай и Дуранги пшеницею, а в других селениях магаром.

3) Арба-Агач. Эта повинность состояла в доставке двух арб дров в год каждым дымом, владевшим рабочим скотом. Первоначально крестьяне должны были доставлять только одну арбу; вторая арба стала требоваться сперва в виде временного

¹ Тарихи Дербент-Наме, перевод под редакцией М. Алиханова-Аварского, прил. IX, стр. 176—177.

² Мехтулинские ханы, Сборник сведений о кавказских горцах, вып. II, Тифлис, 1869, стр. 10—12.

„пособия“, а потом требование это было обращено в начале XIX в. в постоянную повинность.

4) Куук (саман или мякина). Эта подать была раньше неизвестна. Она была введена в XIX в. в виде „пособия“ ханскому дому по случаю недостатка мякины для прокормления скота и лошадей хана, но потом этот сбор получил постоянный характер.

5) Бильха — барщина. Бильха была нескольких видов: а) Сабан-бильха — выставка плугов для распашки полей владельца; эта повинность отправлялась или весной или осенью; б) Бычан-бильха — выставка по одну косцу с дыма в день для кошения и уборки владельческого сена; в) Урик-бильха — выставка жнецов по одному с дыма на один день для уборки ханских посевов.

6) Доставка арб для разных надобностей хана.

7) Выставка рабочих для строительных работ в доме хана и для обработки его сада.

8) Выставка конных чапаров для посылок по делам ханского дома.

Последние три повинности введены были во времена русского владычества и постепенно сделались крайне обременительными для крестьянства.

9) Откуп за право торговли напитками и красным товаром в В. и М. Дженгутае.

10) Жители В. и М. Дженгутая должны были при женитьбе членов ханского дома и погребении их доставлять в дом хана по арбе дров и сабе пшеницы с дыма, а жители селений Апши, Дуранчи, Ахкент и Чоглы — по одному быку.

11) Ясак с баранты на Аркаских горах.

Прежде чем подвергнуть анализу эти дошедшие до нас от разных времен перечни доходов дагестанских феодалов необходимо выяснить, какой удельный вес в феодальном хозяйстве имела эксплуатация чагаров — крепостных крестьян и какова была рента, взимавшаяся с них феодалами.

По имеющимся данным, количество чагаров в XIX в., когда ясно определились закрепостительные тенденции феодалов, было сравнительно незначительно. У хана Мехтулинского имелось шесть душ чагаров,¹ у шамхала Тарковского было 90 дворов.²

Чагары, о юридическом положении которых мы в дальнейшем будем говорить подробно, должны были платить феодалу мерку пшеницы, арбу дров и от имеющих баранов по барану в год. Кроме того, они должны были нести ряд других повинностей, которые не ограничивались обычаями и совершенно зависели от воли феодала.

Кроме чагаров в некоторых частях Дагестана существовала другая группа крепостного населения — раяты. Повинности раятов не были одинаковы во всех районах. В Табасарани³ — эти

¹ Мелтухинские ханы, Сборн. сведений о кавказских горцах, вып. II, Тифлис, 1869, стр. 13.

² Шамхалы Тарковские, стр. 78.

³ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис, в. I, стр. 48.

повинности заключались: 1) в доставке 6 саб пшеницы, одной арбе сена, от определенного количества, баранов, фруктов, орехов, марены и проч., 2) в барщине — до 8 дней в году полевых работ, 3) в доставке подвод (напр. перевозка хлеба на мельницу, хвороста и проч.), 4) в личной службе, в частности конной. Кроме того, феодалы могли также пользоваться услугами сирот из райатов до их совершеннолетия. В Кайтаге повинности райатов состояли в доставке 30 саб ячменя и пшеницы с пары рабочих быков.

Количество райатов тоже было незначительно.

По официальным данным, недостаточно впрочем проверенным, относящимся к середине XIX в. численность всех райатов составляла 2426 дворов; полагая по 5 душ в среднем на двор — общая численность райатских душ несколько будет превышать 12000.¹

Нам думается, что приведенные нами данные, несмотря на их малочисленность, достаточны для того, чтобы на основании их сделать некоторые общие и предварительные выводы об особенностях форм феодальной эксплуатации в Дагестане. Прежде всего мы должны констатировать, что крепостнические отношения (феодализм-крепостничество) не играли здесь особой роли в системе этой эксплуатации. Количество крепостных (чагар и райатов) по сравнению с основной узденской массой было слишком незначительно. Основная масса феодально-зависимого населения состояла из узденей, которые имели право свободного перехода от одного феодала к другому. Хотя уздени не всегда могли осуществлять это право и уходить из своего аула, но это касалось лишь тех узденей, которые состояли в тухумной организации. Следовательно, они были крепки не феодалу, но тухуму.

Другой общий и предварительный вывод — это решительное преобладание натуральной ренты. Из приведенных нами трех перечней доходов, относящихся к разным периодам дагестанской истории, денежный оброк или взимается в сравнительно незначительном количестве, как это было во времена аварского нуцала (три серебрянных диргема со двора) или же его платили только некоторые селения, очевидно, имевшие особые промыслы, как это было в шамхальстве, где денежный оброк платило только одно селение.

Особенно характерно, что даже в XIX в., когда феодальная эксплуатация при содействии русских феодалов чрезвычайно усиливается, когда крестьянство буквально стонет от феодального произвола, денежная рента все-таки не взимается, как это показывает перечень доходов Мехтулинского хана.

Также не имела особого значения, по крайней мере до завоевания Дагестана царизмом, и отработочная рента — барщина. Она чрезвычайно усиливается, как это показывает перечень доходов Мехтулинского хана, только в конце XVIII и первой

¹ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, сборн. сведений о кавказских горцах, Тифлис, в. I, стр. 48.

половине XIX в., несомненно, как было указано, благодаря воздействию русских крепостнических порядков.

Такое исключительное преобладание натуральной ренты перед другими формами ренты нами не наблюдались ни в одной Европейской стране, даже в самую раннюю эпоху феодализма и, несомненно, является одной из особенностей форм феодальной эксплуатации в Дагестане, что вместе с тем свидетельствует о крайне слабом развитии здесь денежного, товарного хозяйства.

Наконец, при изучении приведенных нами данных, напрашивается вывод об особом значении ренты, взимаемой с пастбищ. Как было указано пастбища — кутаны и горы находились в исключительном обладании ханов и беков. За право пастбы они взимали ренту баранами, крупным рогатым скотом. В перечень доходов шамхала Тарковского прямо указывается, что именно владение горами было основанием получения доходов. Так, указывается, что за гору в Кусрахе он получал 1000 овец, за гору в Кырым 30 коров, с горы Зантаб — 80 овец и т. д.

Но нам думается, что и сбор с отдельных селений скотом все-таки был первоначально основан на принадлежности ему здесь пастбищ, хотя об этом прямо и не указывается. Первоначально он взимал с обществ за пастбище, а затем общины в течении веков, пользуясь пастбищами их освоили, но продолжали платить ренту. Таким образом интереснейшей особенностью форм феодальной эксплуатации является рента с пастбищ, принадлежавших феодалам („пастбищная“ рента). Ни в западной Европе, ни в России подобного рода ренты не встречается. В этом случае, дагестанская рента может быть сближена с рентой взимаемой с пастбищ в Монголии, Казакстане, но только сближена, а не отождествлена, так как рента здесь взималась и за пашенную землю и с других земельных владений.

Подчеркивая особое значение в системе феодальной эксплуатации Дагестана „пастбищной“ ренты, мы однако без дальнейшего, углубленного и тщательного исследования не решимся утверждать, что эта форма ренты является главной, ведущей и тем более ведущей во весь период истории Дагестана. Но по целому ряду данных можно думать, что этот вопрос, крайне важный для установления специфики дагестанского феодализма, может быть решен в утвердительном смысле.

Заканчивая краткую характеристику форм феодальной эксплуатации в Дагестане необходимо указать на роль рабского труда в хозяйстве феодала.

По официальным данным русского правительства¹ в середине XIX в. количество рабов было весьма незначительно: кулов (рабов) и каравашей (рабынь) всего было 598 душ; при чем в Северном Дагестане было 460, в Среднем Дагестане было 56, в Южном 44 и в Западном 38. В Андийском же и Бежитском округе рабов совсем не было. Однако и по официальным данным и по данным местных источников, относящихся к XV—XVIII в., численность рабов и каравашей в Дагестане до русского завоевания была

¹ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, сборник сведения о кавказских горцах, Тифлис, в. I, стр. 49—50.

более значительной. Здесь нужно принять во внимание, что чагары это бывшие рабы. Кроме того, нам известно,¹ что в Аварии и Казикумухе были целые аулы, населенные исключительно рабами. Таким аулом в Аварии был Кох, а в Казикумухе аулы Кадрух и Четрух. Рабы эксплуатировались главным образом, в качестве дворовой прислуги, но часть рабов была посажена на землю. Все, что они получали от обработки земли они отдавали своим хозяевам, которые вместе с тем имели право отзывать их на дворовые работы. Очевидно, мы наблюдаем здесь постепенное превращение рабов в чагар, процесс превращения рабов в феодально-зависимое крестьянство.

Однако, пусть число рабов было гораздо значительнее, чем это устанавливали официальные данные, тем не менее приходится отметить, что рабство в Дагестане имело ярко выраженный патриархальный характер; несомненно, что, по крайней мере, после арабского завоевания оно особого значения в общей системе феодальной эксплуатации не имело.

§ 5. Переходим теперь к вопросу об организационной структуре феодальных владений в Дагестане. Прежде всего в Дагестане крупные феодальные владения не были охвачены сетью боярских дворов (Curtis, Fronhof западно-европейского средневековья). Ханы и беки жили в одном центре: шамхалы в Тарках, аварские ханы в Хунзахе, ханы Мехтулинские в Б. Дженгутае и т. д. В остальных селениях насколько нам удалось выяснить не было феодальных центров, не было вотчинной администрации — приказчиков, посельских (мэров, мейеров, villcus'ов Западно-Европейского средневековья). Феодальную сеньорию составляли отдельные общины с широким правом самоуправления, со своей довольно развитой общинной администрацией.

Сопоставляя положение общины в Дагестане с положением и организационной структурой общины эпохи раннего русского и западно-европейского феодализма, мы должны отметить следующие характерные особенности.

Прежде всего община сохранила свое самодовлеющее значение мало подвергнувшись процессу разложения, которое так характерно в особенности для французского феодализма, в меньшей степени для германского и русского феодализма.

Вместе с тем, сохранив свою административную самостоятельность, община не охватывала всех земельных владений сельского населения. Как общее правило, пахотная земля находилась в индивидуальном владении крестьян (т. наз. мюльки). Только на плоскости у кумыков мы можем иногда наблюдать подземельную общину, более или менее приближавшуюся к русской поземельной общине с периодическими переделами. Община распоряжалась лишь лесами и пастбищами (allmenda западно-европейского средневековья).

Другой характерной особенностью организационной структуры общины является наличие остатков родовых общин, родовых организаций. Эти родовые организации назывались тохумами,

¹ Освобождение бесправных рабов в Дагестане, сборник сведений о кавказских горах, Тифлис, в. I, стр. 49, примечание.

тухумом (у лезгин), халаданами или ханаданами (у ахтинцев, рутульцев, цахурцев), эвлетами, джинсами, ковками (у кайтагцев), тайпами (у кумыков). Вне всякого сомнения, сельская община первоначально состояла из совокупности тухумов. Но уже во времена русского завоевания в больших аулах предгорной и нагорной части Дагестана у кумыков, лаков, даргинцев, лезгин, родовых общин уже не существовало. У даргинцев были утрачены даже родовые прозвища; самое родство далее 4-й и 5-й степени на практике никакого значения не имело. У этих народов разложение родов—завершившийся факт уже к началу XIX в. Остаются лишь более или менее сильные пережитки родового строя, очень хорошо изученные целым рядом исследователей, из которых на первом месте стоит М. М. Ковалевский. Но в более отдаленных частях Дагестана—в Гунибском, Хунзахском, Андийском, Табасаранском, Кюринском и Самурском районах, роды с фамильными названиями, с сознанием кровной связи всех его членов и другими чертами родового строя сохранились вплоть до революции. По словам В. Далгата в Касум-Кентском районе встречаются аулы, в которых живет несколько родов, каждый в особом квартале, носящем название рода.

По исследованиям Данилиной¹ еще в 1927—28 г. у дидойцев также сохранились в большей степени остатки родового строя. Так аул Кидерс населяли три тухума. По исследованиям Чурсина² сохранились родовые отношения и в Аварии. В ауле Чоц насчитывается 6 тухумов, а в ауле Согаатль—3 тухума, а в ауле Мугурух—4 тухума, в ауле Гочев—3 тухума и т. д.

Очевидно, родовые отношения в более раннее время, в XV—XVIII вв., не были в таком разложившемся состоянии, как это наблюдалось в XIX в.

Таким образом наличие тухумов в составе общин и является весьма характерной чертой организационной структуры общин в Дагестане и вообще является особенностью дагестанского феодализма.

К этому еще надо добавить, что в Дагестане в некоторых местах сохранились и большие семьи (задруги западно-славянского права). В частности, по словам Чурсина, вплоть до революции можно было наблюдать в глухих районах Аварии патриархальную семейную общину, состоявшую из 30—40 человек, живших под одной кровлей и составлявшую одну хозяйственную единицу. Чурсин отмечает семью Али Абдурахманова в ауле Орода, состоявшую из 40 человек.

Али, глава дома, ведает всеми мужскими работами; хозяйка дома ведает хозяйственной деятельностью женских членов семьи, распределяет между ними работы, следит за их исполнением и проч.

§ 6. Чтобы лучше уяснить особенности дагестанского феодализма необходимо, хотя бы кратко остановиться на значении

¹ Материалы этнографических обследований, хранящиеся в рукописи в библиотеке ДНИИНК.

² Материалы этнографических обследований, хранящиеся в рукописи в библиотеке ДНИИНК.

городов, городской торговли и промышленности в системе феодального хозяйства в Дагестане. Нами при анализе феодальной ренты было отмечено, что ни в одной стране Западной и Восточной Европы не наблюдалось такого исключительного преобладания натуральной ренты, как в Дагестане и что это преобладание свидетельствует о крайне слабом развитии денежных, товарных отношений. Можно сказать они был в самом зачаточном виде. Даже Русь IX в. в этом отношении превосходила Дагестан в XIII—XVIII в., особенно горные его части.

Отсюда не будет неожиданностью тот факт, что в Дагестане кроме Дербента никаких городов в русском или западно-европейском смысле не было. То, что обычно называлось городом, были типичными аулами, где только небольшая часть населения занималась торговлей и ремеслом, а остальная часть была типичными узденями — крестьянами. Даже в гор. Дербенте, несмотря на значение этого города в торговле между Россией и Персией, несмотря на мировую известность этого города, число жителей было весьма не велико. В 1810 году в Дербенте насчитывалось всего 3947 мусульман, 56 армян, 166 евреев.¹ По официальным данным основное занятие жителей было земледелие. В Тарках, резиденции шамхала, по официальным данным², было 937 дымов. По некоторым данным количество населения, занятого специально торговлей и ремеслом, и здесь также было весьма незначительно: едва ли оно могло превышать шестидесяти семейств.

Что же касается других резиденций дагестанских феодалов, например Хунзаха, Казикумуха, Б. Дженгутая, то они совершенно не могут быть причислены к городам в западно-европейском и русском смысле.

Вместо городов в Дагестане было много центров кустарной промышленности. Так специальной выработкой ковров занимались в Ахтах, Микрахе, Куруше, Курахе, Икре, Кабире, Орто-стале, выделкой кинжалов в Кубачах, Амузгие. В. Казанишах, Межгюле и т. д., в Анди вырабатывались бурки, сукно в Акушах, Чирахе, Короте, Кумухе и т. д. Производимые в этих центрах товары были известны далеко за пределами Дагестана.

Однако, повторяю, это были кустарные промысла, а не ремесло в средневековом смысле этого слова. Естественно, что сбывались все эти товары скупщиками, которые, вероятно, снабжали производителей сырьем. Но нет данных свидетельствующих о том, что эти скупщики превратились в купцов-профессионалов.

Как производители, так и скупщики оставались феодально-зависимыми крестьянами, платили ренту и оправляли феодальные повинности. Отсюда, нет ничего неожиданного в том, что в Дагестане сложившегося класса городской буржуазии не было; были только зачатки этого класса. Так же не было и тех организаций городского населения, так типичных для западно-евро-

¹ Козубский, История города Дербента.

² Шамхалы Тарковские, стр. 76.

пейского феодального города — цехов и гильдий. Не было также борьбы городской буржуазии с крупными феодалами.

§ 7. Особенности в системе феодальной эксплуатации предопределяют особенности классовой структуры в Дагестане.

Как было указано, в Дагестане было только два класса, класс феодалов и класс крестьянства. Только у кумыков и то только в XVIII—XIX в. можно было проследить возникновение зачаточных групп городской буржуазии.

Класс дагестанских феодалов, как общее правило, состоит из ханов и беков. К феодалам принадлежала группа так называемых чанков — детей ханов и беков от неравного брака, группа, которая, насколько нам известно, не существовала ни в Западной Европе, ни в России. Происхождение основных ханских фамилий легко прослеживается на основании дошедших до нас источников. Почти все ханы — ханы Казикумуские, ханы Мехтулинские происходили из рода шамхала, поставленного по преданию, арабами во главе Дагестана после завоевания ими этой страны. Первый шамхал принадлежал к арабскому племени Корейшитов.

В 40-х годах XVII в. казикумухцы изгнали шамхалов из своих владений, совершенно отложились от них и стали выбирать себе особого правителя под названием халхавчи из рода шамхала. Однако, эта выборная должность превратилась в наследственную.

Основателем Мехтулинского ханства был один из членов Казикумухского ханского дома по имени Мехти, который, удалившись из Казикумуха вследствие несогласий с ханом, занял территорию аймакинцев и оглинцев и сумел удержать ее в своих руках.

Что же касается аварских ханов, то они по преданию ведут свой род от аварских нуцалов, которые во время завоевания арабами Дагестана оказали отчаянное сопротивление, были изгнаны, но после разных осложнений снова утвердились в Аварии.

Кайтагский уцмий первоначально был выборным, но затем в начале XVII в. власть умциев стала наследственной.

Дети ханов, не ставших ханами, становились беками (беями, биями). Но, несомненно, что многие бекские фамилии вели свое начало не от ханов, а от древних феодальных владетелей, в свое время освоивших незанятые земли и пастбища и заселивших их рабами, чагарами и раятами или безземельным узденством, а затем ставших вассалами ханов. Исследователи указывают, что хан мог назначить беком свободных узденей и это звание усвоить им наследственно или на срок. Вместе с тем, до звания беков возвышались и чанки. В частности, многие кумыкские беки ведут свое происхождение от чанка Султан-Мута, сына Шамхала Андия Тарковского.

Обратимся к выяснению положения этой основной феодальной группы.¹

¹ Дальнейшее изложение правового положения беков дается на основании „Выписки из доклада Совета Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе“ от 19-го Сентября 1885 г. за № 3333, где подробно излагаются права беев, чанков и сала-узденей.

Как указано, беки получали свои земли по наследству („нузру“) и по дару от своего отца — хана или бека. Но они могли получать землю и от других ханов или беков; могли увеличивать свои владения путем возмездных способов.

Беки имели право неограниченного распоряжения своей землей.

Нам не удалось установить за полным умолчанием источников, владели ли беки своей землей на праве полной собственности или же получали земли под условием службы. Нам думается, что в Дагестане не было типичных институтов раннего западно-европейского и русского феодализма — бенефициев и феодалов, поместий и вотчин. Нам думается, что земельное право беков весьма близко подходит к русским удельным отношениям; удельные князья получали земли в полное обладание.

Возможно, что эти институты находились в зачаточном виде и потому не получили отражения в источниках.

Но беки однако были настоящими вассалами ханов. Беки по требованию ханов должны были собирать ополчение и командовать этим ополчением. Беки составляли обычную свиту хана и очевидно оказывали ему помощь советом. Но здесь опять мы наблюдаем особенность дагестанского вассалитета. Вассальные отношения были основаны не на договоре, а на факте принадлежности к бекству и на землевладении. Поскольку земля передавалась по наследству или по дару, постольку нам не известен и институт оммажа (*hommagium*). И здесь дагестанский вассалитет близко подходит к русским удельным порядкам, так как отношения русских удельных князей к великим также не были основаны на оммаже.

Беки пользовались полным иммунитетом в своих владениях. Они были верховными судьями в своем владении, взимали штрафы за преступления. Они могли удалять со своих земель порочных и преступных жителей, при чем двор и прочие постройки выселяемого оставались в пользу беков.

Беки пользовались целым рядом прав, которые резко выделяли их из других групп населения. В частности по кумыкскому бекскому праву, в делах кровных кровоотмщение могло совершаться только между беями; другие группы не имели права кровной мести по отношению к беям; в случае убийства, совершенного беем над кем-либо из узденей, убийца должен был скрыться из аула на два-три месяца, между тем все другие беки и уздени старались окончить дело примирением, по которому родственникам убитого отдавалась часть имущества, а для всех делалось угощение. В случае же убийства бея кем-либо из узденей, родственники убитого князя вместе со своими узденями нападали на дом убийцы, убивали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дома.

За воровство, совершенное у князей, виновные из свободных сословий платили в девять раз больше стоимости; если виновный оказывался не в состоянии выплатить в девять раз больше и при том родственники виноватого не примут участия в плагеже по несостоятельности, то виновный поступал к

князю в рабство. За воровство же, учиненное князем, платилось по действительной стоимости или же возвращалось уворованное.

Все эти признанные и регламентированные обычаем права (т. н. байские адаты) делали баев привилегированным, резко выделявшимся классом над всеми другими группами населения. Но несомненно, что все эти права были источником настоящего произвола. В самом деле, кто же осмелится обвинить бея в воровстве, если ему принадлежит право по своему усмотрению под предлогом порочности и преступности удалять из своей земли всякого подвластного ему человека.

Как указано, чанки непосредственно примыкали к бекам. Они также получали земли по наследству и по дару от своих отцов или родственников, могли получать землю и по дару от других феодалов, увеличивать свои владения возмездными способами. Права чанков над подвластным им населением были те же, что и беев. По кумыкскому праву, отличие чанков от беев заключалось лишь в следующем:

1) они не имели своих узденей; наоборот и сами должны находиться в вассальных отношениях беев, от которых происходили;

2) в делах кровных и в делах по воровству они никакими привилегиями не пользовались.

Класс крестьянства распадался на узденей, феодально-зависимой, но лично свободной группы, и на крепостных — на чагаров и раятов. В свою очередь, уздени распадалась на первостепенных и второстепенных узденей.

Первостепенные уздени — это верхушка узденей, верхушка крестьянства, которая выделилась из рядовой массы, несомненно, путем освоения пустых земель, или путем захвата уже населенных земель и закабаления обезземельного крестьянства.

Официальная записка о положении кумыкских беев говорит именно об этом источнике группы первостепенных узденей. Она отмечает, что сала-уздени воспользовались „землями свободными и для тогдашнего народонаселения излишними“, что свободными землями воспользовались личности руководящие переселением, возвышавшиеся над массой народонаселения своими родовыми отличиями или умом и воинскими подвигами, что „последующие вольные переселенцы и выходцы за право пользования землей стали в некоторую зависимость от собственников“.

Первостепенные уздени владели землей на праве собственности: эту землю они приобретали или по наследству или по дару. Они отдавали свою землю феодально-зависимым крестьянам, чагарам, раятам или обрабатывали ее при помощи рабов. Они были свободны от всяких повинностей. Обычно из первостепенных узденей избирались народные судьи.

Вместе с тем первостепенные уздени несли разнообразные службы у беков и ханов, составляя главную силу ханских и бекских отрядов. Несомненно, что первостепенные уздени занимали промежуточное положение между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства. Процесс их сближения с основными группами феодалов был тем определеннее и быстрее, чем быстрее шла феодализация той или иной части

Дагестана. Первостепенные уздени — сала-уздени у кумыков, причисляли себя к феодалам и многократно обращались к царскому правительству о даровании им прав российского дворянства. В этом ходатайстве их поддерживали и кумыкские беи.

В Аварии, Кази-Кумухе и других ханствах, процесс дифференциации узденства происходил медленнее и был менее четок.

Основная масса дагестанского населения — это второстепенные уздени. Несомненно, состав этой группы был разнородный, эту группу составляли прежние свободные жители Дагестана, члены свободных общин. Но в их состав постепенно вливались и освободившиеся чагары и раяты и, следовательно, и освободившиеся рабы (у кумыков они носили название азатов).

Как было указано, уздени, будучи феодально-зависимой группой населения, сохраняли право свободы перехода. Но фактически этот переход не мог быть осуществлен, так как уздени были связаны со своей общиной, они были крепки своей общине. Что же касается узденей, сидевших на княжеской земле, то их переход к другому феодалу непосредственно сопрягался с потерей имущества в пользу князей.

Несомненно, что и второстепенные уздени распадались на целый ряд групп не только по своему происхождению, но и по своему положению, при чем низшие группы сближались с крепостным населением. Наоборот, верхушка второстепенного узденства сближалась с первостепенным узденством и могла владеть рабами. Процесс дифференциации среди второстепенных узденей также был обусловлен интенсивностью процесса феодализации. Наибольшая дифференциация узденей была у кумыков.

Крепостное крестьянство состояло из так называемых чагаров и раятов.

Чагары, по установившемуся мнению, образовались из кулов и каравашей, отпущенных от ханского и бекского двора, обзаводившихся своим хозяйством на ханской, бекской (или сала-узденской) земле. Первоначально они ничем не отличались от обыкновенных рабов (подобно, например, страдным людям, холопам на пашне феодальной Руси или сервам, посаженным на землю во Франции и Италии), а затем постепенно получили некоторую хозяйственную самостоятельность и стали переходить в разряд крепостного крестьянства. Это был своего рода серваж на дагестанской почве. Но нам думается, что были и другие источники происхождения этой группы, в частности, закабаление свободного крестьянства. Чагары никаких прав на имущество — на двор, инвентарь и тем более землю не имели. При продаже феодалом земли, на которой они сидели, они сохраняли только то имущество, которое они сами приобрели. Освободиться чагары от крепостной зависимости могли только с согласия владельцев. Владельцы могли освободить чагар или даром или же посредством выкупа — единовременного или в рассрочку.

Что же касается раятов, то их положение было очень близко к положению чагаров. Вероятно, что и источники происхождения этой группы были одинаковы — посадение рабов на землю и закибаление свободных узденей.

Остается сказать несколько слов о рабах—кулов и каравашей. Как указано, количество рабов в Дагестане было не велико; удельный вес рабской эксплуатации был незначителен в Дагестане. Рабы, главным образом, составляли дворовую прислугу феодалов и первостепенных узденей.

Рабство в Дагестане носит ярко патриархальные черты: раб принадлежит ко двору феодала и его правовое положение многим напоминает положение рабов в древнейшем дореспубликанском Риме.

Поскольку в Дагестане была еще далека от завершения четкая дифференциация между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства—естественно, что здесь мы не наблюдаем оформившихся сословий, были только зачатки сословных отношений. Рост сословных отношений сопрягался с развитием процесса феодализации. Наиболее четок он был в наиболее феодализованной части Дагестана, именно у кумыков.

Подведем итоги наших наблюдений в области классовых отношений в Дагестане до царизма.

Мы прежде всего еще раз должны подчеркнуть незавершенность дифференциации между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства, отметить простоту и несложность феодальной лестницы. Она ограничивается, в сущности, двумя ступенями—ханами и беками; первостепенные же уздени занимают промежуточное положение. Отсюда в Дагестане мы не наблюдаем сложившейся группы арьервассалов (подвассалов); в отличие от Западной Европы и России, не было в Дагестане многочисленных низших служилых групп.

Между классом феодалов и феодально-зависимого крестьянства не было той резкой черты, которая так бросалась в глаза в Западной Европе и затем в России.

Отношения между основными феодальными группами—ханами и беками ближе к удельным отношениям Руси XIII—XV в., нежели к отношениям западно-европейских феодалов, с феодальными договорами, с целым рядом институтов и обрядов.

§ 8. Обратимся теперь к выяснению особенностей политического строя феодального Дагестана. Особенности в формах феодальной эксплуатации предопределяли, конечно, особенности как классовых и сословных отношений, так и политического строя в Дагестане. Уже целый ряд выявленных нами моментов: натуральный характер ренты, крайне слабое развитие денежных, товарных отношений, незначительный вес в системе феодальной эксплуатации крепостничества и рабства, полное слияние ренты с налогом, сохранение административной самостоятельности общин,—все это в достаточной степени должно было предопределить крайнюю несложность политического аппарата, малочисленность и простоту функций феодальной администрации.

Непосредственное ознакомление с данными, характеризующими политический строй Дагестана до XIX в. очень хорошо подтверждает эти предварительные суждения.

Крайне слабое развитие денежных, товарных отношений, почти полная разобщенность племен в высокогорной части Да-

гестана — все это исключало для него возможность, по крайней мере в XI—XVIII в., превращения в единое феодальное государство, в крупную феодальную монархию. Дагестан до конца своего самостоятельного существования состоял из целого ряда более или менее крупных ханств и ряда племен, которые не подверглись процессу феодализации. Наиболее крупными феодальными государствами были шамхальство, аварское и казикумухское ханство.

Попытки со стороны этих трех крупных феодалов овладеть всем Дагестаном, которые делались до XIX в., окончились неудачей; слишком отсутствовали экономические предпосылки для этого объединения, слишком сильно действовали центробежные силы. Завоевание отдельных племен, укрывшихся в непроходимых горных высотах и теснинах, требовало таких усилий и жертв, которое не могли быть окуплено.

Но в то время, как попытки объединить Дагестан в одних руках оканчивались неудачей, он был охвачен с разных сторон крупнейшими державами мира: Турцией, Россией и Персией. Дагестанские феодалы стремились использовать соперничество этих трех держав и в зависимости от того или иного момента стали входить в вассальную зависимость от них. Наибольший успех среди феодалов имела Турция, наименьший — Россия. После того, как крупные дагестанские феодалы добивались поддержки крупной державы, они в своей борьбе против местных завоевателей могли рассчитывать на ее помощь. Ясно, что вопрос об объединении Дагестана и об образовании единого феодального государства, крупной феодальной монархии был отложен на всегда. Таким образом Дагестан представлял до русского завоевания совокупность самостоятельных феодализованных племенных государств и племен, где еще не был изжит патриархальный строй. В каждом крупном ханстве господствовало одно племя: в Аварском ханстве господствовали авары, в Казикумухском — лаки, в Шамхальстве — кумыки.

Посмотрим теперь, какой политический строй был в этих наиболее крупных феодальных государствах Дагестана.

Здесь прежде всего мы не найдем сложной системы административных учреждений. Не создалось особого совета феодалов, подобно витенагемоту в Англии, курии во Франции, боярской думы в России. Мало того, нам не удалось найти следов дружинной организации (*Gefolgschaft* — западно-европейского средневековья), так типичной для раннего русского феодализма.

Конечно, ханы должны были совещаться с наиболее видными своими вассалами, но эти совещания так же, как это было в Киевской Руси, были актами думанья, а не учреждением.

Не было также и сложной системы так называемого дворцово-вотчинного управления. Как было указано, в Дагестане не было министериалитета (дворцовых чинов). Там мы, как общее правило, не находим дворецких, конюших, стольников, чашников, посвод и т. д., которые обычно принадлежали к числу наиболее влиятельных феодалов. Очевидно, все эти функции выполнялись или ханскими рабами или нукерами. Обычно упоминается только

о визирях и назирях, иногда дворецких. Функции визирей, вероятно, были теми же, что и в других мусульманских странах, т. е. они были непосредственными помощниками хана, его правой рукой. Назири выполняли разнообразные поручения.

Ханский двор кроме рабов, включал т. н. нукеров, набиравшихся, вероятно, из верхушки узденства. Ближе всего к нукерам Дагестана подходят гриди Киевской Руси. Их функции, как и функции гридей, были весьма разнообразны. Они выполняли и финансово-административные и судебные функции. Вместе с тем нукеры составляли военные отряды при хане.

Местное феодальное управление, поскольку административная самостоятельность общин не была подавлена, было также не сложно и примитивно по своей организационной структуре. Мы не наблюдаем деления ханства на более или менее крупные административные единицы (уезды в древней Руси, префектуры во Франции и т. д.). Очевидно земельные владения ханов (домены), за вычетом земельных владений, принадлежавших бекам, были так незначительны, что не было необходимости территориального деления.

Несложности и примитивности феодальной администрации соответствовало отсутствие особой специализации административных органов.

Поскольку основная и главнейшая часть ханских доходов состояла из феодальной ренты и при том ренты натуральной, заранее исчисленной и взимавшейся главным образом скотом, то совершенно естественно, что особых финансовых агентов у ханов не было. Вероятно, скот, взимающийся с отдельных общин, и другие различного рода натуральные сборы доставлялись общинными властями. Только при взимании торговых пошлин, очевидно, приходилось иметь особого рода финансового агента, если эти пошлины не сдавались на откуп.

Примитивно было также и военное устройство. Постоянной и, если можно так выразиться, профессиональной армии дагестанские феодалы не имели, за исключением отрядов из нукеров. В случае войны ханы созывали беков, которые и приводили с собой свои военные отряды. Во время войны эти отряды находились под непосредственным командованием беков.

Административное устройство бекств было еще проще и примитивнее. Был меньше и беднее двор, с меньшим количеством рабов и нукеров. Как указано в своих владениях бек пользовался полной властью. Еще во времена борьбы аварских ханов с арабами, т. е. в VIII и IX вв. в Дагестане существовал вполне оформившийся иммунитет. В Тарих Дагестана¹ говорится, что после покорения арабами Дагестана „было установлено, что никакой налог и подать, каковые простой народ обязан был платить, как например, платить дивану и другие обязанности, постановяемые государем и прочее не могли падать на сыновей, внуков и правнуков их государей; даже они не должны были платить ни атома, ни зерна, пока время идет и мир существует“.

¹ Тарихи Дербен-Наме, прил. IX, стр. 175—176.

Однако, этот иммунитет был основан на обычном праве. Нам неизвестны особые грамоты, дипломы, выдававшиеся в других государствах вассалам. Даже после того, как ханы стали получать грамоты и фирманы от персов, турок и русских, они, однако, насколько нам известно, сами не давали никаких иммунитетных дипломов.

§ 9. Нам думается, что наши краткие и отрывочные наблюдения о формах феодальной эксплуатации, о классовых и сословных отношениях и, наконец, о политическом строе — все же дают нам возможность сделать ряд общих выводов о наиболее характерных чертах дагестанского феодализма. Феодализм в Дагестане даже в тех его частях, в которых процесс феодализации достиг наибольшего развития, относится к феодализму раннего типа.

Прежде всего дагестанский феодализм — феодализм горной страны, где огромное значение в хозяйстве имеет скотоводство, где земледелие, как общее правило играет или второстепенную или даже подсобную роль. Известно, что Дагестан даже в XIX в. кормился привозным (из Чечни) хлебом. Дагестанские феодалы присваивают в первую очередь пастбища-кутаны и горы и эксплуатируют крестьянство путем, как мы называли, постбищной ренты.

Дагестан до XIX в. являлся страной со слабыми зачатками денежного товарного хозяйства, отсюда решительное преобладание натуральной ренты над денежной и отработочной. Роль крепостничества в системе феодальной эксплуатации незначительна.

В Дагестане сохранились сильные остатки доклассовой общественной формации, в разных стадиях ее развития: или в стадии родовой коммуны, или стадии „больших семей“, или в стадии поземельной общины. Община в крупных феодальных владениях сохранила свое хозяйственно-административное значение, хотя и не охватывала всех земельных угодий; в ее распоряжении находились пастбищные земли и леса; пахотная же земля находилась в собственности отдельных дворов (мюльки). В виду крайне слабого развития денежного товарного хозяйства, в Дагестане не было городов, не было торговых и ремесленных организаций (гильдий и цехов) типичных для раннего западно-европейского средневековья.

Переходя к характеристике классовых отношений необходимо отметить отсутствие четкого разграничения между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства, несложность феодальной лестницы. Отсутствие оформившейся группы подвассалов (арьервассалов), отсутствие класса городской буржуазии.

Поскольку в Дагестане не было четкого разграничения между классами феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства, и не было класса городской буржуазии, сословия были в зачаточном состоянии.

Отсутствовали в Дагестане наиболее типичные для раннего феодализма институты: оммаж (*hommagium*), патронат, бенефиции и феоды. Земля передавалась ханам и бекам по наследству или же дарилась; нам не удалось установить условный характер феодального землевладения.

Политический строй крупных земельных владений характеризуется несложностью и примитивностью административной

системы, отсутствием административного деления феодальных владений, отсутствием специализации должностных лиц. Нами отмечаются общие для всего Дагестана особенности феодализма. Но Дагестан распадался на ряд крупных владений. Нет никакого сомнения, что в каждом владении имелись свои особенности, при чем эти особенности определялись не только большим или меньшим развитием феодализма, но и другими моментами, где свою определенную роль играли и географические факторы. Следующей задачей для дагестанской историографии является как раз выявление этих особенностей феодализма в каждом крупном феодальном владении.

Итак, этими основными, как нам кажется, чертами характеризуется феодализм в Дагестане до русского завоевания. При царизме мы наблюдаем ряд изменений. Изменяются основные формы феодальной эксплуатации; чем дальше, тем больше, барщина — отработочная рента начинает приобретать большее значение в системе эксплуатации. Дагестанские феодалы, как это особенно обнаруживается в Мехтулинском ханстве, не ограничиваются увеличением прежних сборов и повинностей; они устанавливают новые. Процесс экспроприации земель узденей усиливается все более и более. Класс феодалов все более и более оформляется, включая в свой состав, как это мы наблюдаем у кумыков, верхушку узденства — сала-узденей. Постепенно консолидируется группа феодально-зависимого сельского населения, при чем наблюдался процесс сближения низших групп узденства с чагарами. По мере усиления эксплуатации, усложняется политический строй, усиливается административный аппарат.

Дагестанские феодалы, входя в состав русского офицерства и генералитета, постепенно смыкаются с русскими крепостниками, усваивая их методы эксплуатации. Даже официальные писатели были принуждены признать, что „владельцы (князья) снискав доверие у русского начальства, обласканные им и отмеченные чинами за военные заслуги“ стали захватывать земли и „русские правительственные власти, без строгой разборчивости и последовательности снабжали этих владельцев охранными листами, указами, билетами и свидетельствами“, которые потом сделались основанием „к постепенному лишению народа прав собственности на землю“. Официальные писатели принуждены были признать, что „постоянное своеволие князей, поддерживаемое влиятельными узденями, которых они привлекали на свою сторону, уступив им часть присвоенных себе прав на земли, по всей вероятности, привело бы к тому, что народ поступил бы с владельцами точно так же, как поступили несколько десятков лет тому назад за Кубанью тлофитли (свободные землепашцы), состав открыто противу князей и выгнав их из среды своей, если бы не было русских войск“.¹

¹ Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа (Сборник) Св. П. стр. 39.